

«МЫ С ЕЛЕНОЙ ЗДРАВОМЫСЛОВОЙ УЖЕ 20 ЛЕТ РАБОТАЕМ, МЫ НИКУДА НЕ УШЛИ, НИЧЕГО НЕ БРОСИЛИ»: ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Интервьюерка – Елена Минченя

Анна Темкина – профессорка факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, со-директорка программы по гендерным исследованиям ЕУ.

Е.М. Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в гендерные исследования?

А.Т. Такое ощущение, что у меня есть уже нарратив на эту тему, поскольку мне приходилось неоднократно рассказывать об этом. Честно говоря, я уже не помню, что там было, но помню, какая у меня структура нарратива, хотя мне кажется, что именно так и было (*смеется*). История такова. До и в начале перестройки я работала в социологическом отделе Института социально-экономических проблем АН СССР. Прямого отношения к дальнейшему развитию это не имеет, однако сформировало определенное восприятие накопленного советского опыта, который затем подвергался ревизии или даже просто отрицался. В конце 1980-х гг., когда начались изменения в разных сферах, я была молода и только пришла в социологию. Образования социологического тогда не существовало. У меня – экономическое, но работала я в сфере социологии. У нас сложилась группа, в которой были Владимир Костюшев, Елена Здравомыслова, Виктор Воронков, Олег Вите (мой муж в то время), другие люди. Мы все устремились изучать общественные неформальные движения, в первую очередь демократические, которым симпатизировали или в которых участвовали. В этот момент я писала кандидатскую диссертацию, дописала, но не защитила. Я занималась

сферой трудовых отношений. И поэтому из эмерджентных движений, которые только стали появляться, я начала изучать рабочее движение, делала небольшие исследования, в том числе с москвичами, с группой Леонида Гордона. Была опубликована статья в журнале «Soviet Studies» («Europe-Asia Studies» в настоящее время). Это было фактурное описание, без какого-то намека на теорию, которой мы тогда и не знали. Дальше мы стали, скорее, самообразовываться. Елена Здравомыслова одна из первых поехала в США в начале 1990-х, привезла «новое знание» и литературу по социологии общественных движений. Это послужило определенным импульсом к развитию аналитических подходов и конкретных исследований. Несколько раз я ездила в регионы рабочих забастовочных движений, где участвовала в обычных социологических исследованиях – с опросниками, разговорами с людьми. Но предмет был новым – протесты, конфликты, новые профсоюзы. Это было необычно и очень интересно.

Постепенно формировался багаж пока еще не очень большого знания теорий общественных движений, но большого интереса к общественным изменениям. На тот момент у меня вообще не было представлений о том, что такое гендер и феминизм. В 1992 г. я получила стипендию IREX на семь месяцев в Колумбийском университете в США. Вот тут все и началось. Меня начали спрашивать коллеги, которых также интересовали постсоветские трансформации: «А что у вас с положением женщин? А что у вас с женским вопросом?». Я не знала, что на эти вопросы отвечать. В магазинах обнаружила гору литературы – длинные-длинные полки по феминизму и гендерной теории. Начала смотреть, читать, на первых порах осторожно и даже с некоторым подозрением. Очень интересно, но плохо понятно, к чему все это. Елена Здравомыслова параллельно со мной начала обсуждать гендерную проблематику с молодыми людьми, студентами соцфака, некоторые потом учились в Европейском университете. Они хотели читать феминистскую литературу в группе: формат reading group появлялся по запросу «снизу». Я, вернувшись из Америки, сблизилась с Центром гендерных проблем (ЦГП), его директоркой Ольгой Липовской, и там мы также стали читать феминистскую литературу с азов – Бэтти Фридан, радикальных феминисток. Так, началом стали reading group, первые женские феминистские организации, в которых был интерес к освоению знания как базе политического действия. А затем – и конференции. Мне стало уже немного тесновато в теме рабочих движений. Рабочие движения, как мы их тогда понимали, – это движения модернизации, а женское и феминистское движение – это все же пост-, там больше интересных вопросов вокруг идентичности, различий власти. Мы стали больше работать в этой сфере, завязывались связи, важную роль сыграли и форумы в Дубне, я в них не участвовала, но были мои коллеги. Следующий шаг – возможность благодаря Ольге Липовской сделать небольшое исследование по политическому участию женщин. Это было мое первое гендерное исследование. В тот же момент мы начали интересоваться качественными методами в социо-

логии. Это тоже было новшеством. Так мое первое исследование стало набором всего нового – и предмета, и метода, и идеологии.

Далее я благодаря финским коллегам (в первую очередь Анне Роткирх), с которыми познакомилась по счастливой случайности, по гранту мобильности попала в Финляндию, где пробыла два с половиной года. Там я познакомилась со многими социологами, обнаружила, что большинство из них являются феминистками, интересуются феминизмом, проводят разные гендерно чувствительные исследования. Этот этап заканчивается тем, что мне мои финские коллеги предлагают защитить диссертацию в Финляндии. Диссертация могла быть совокупностью статей. К этому моменту я уже опубликовала около пяти статей, две из которых посвящены политическому участию женщин. Это была одна линия вовлеченности в гендерные исследования. Вторая – дружба и солидарность, которые у меня сложились с финскими социологами и вылились в различные последующие совместные проекты-исследования сексуальности, гендерных ролей, образцов женственности и мужественности. Третью линию можно связать с началом формирования Европейского университета. Я нахожусь в курсе того, что происходит, хотя и не принимаю активного участия в организации и все еще пребываю в Финляндии. Дело идет уже к защите диссертации (осенью 1997 г.), мне звонит Вадим Волков, первый декан факультета политических наук и социологии, и говорит: «Либо ты возвращаешься из Финляндии, либо без тебя». Я подумала-подумала и вернулась в Питер, хотя могла как минимум задержаться в Финляндии. И вот с этой точки началась другая история: мы организовались в университет, начались исследования, проекты, в том числе создана программа гендерных исследований, которую поддержал фонд Форда и лично его директор Мэри Макколи. Мы осваивали и практику преподавания, до сих пор я очень благодарна летним школам (в том числе Харьковского центра и российских центров) за практику интерактивного обучения. Когда сейчас его требуют в университетах – я удивляюсь, поскольку не понимаю, как можно преподавать иначе.

– Из Вашего опыта, с какими идеями, теориями, концепциями был связан период институционализации гендерных исследований в России, в частности появление учебной программы по гендерным исследованиям в ЕУ?

– Поначалу концепций почти не было. Был энтузиазм, стремление освоить новую область, понимание ее потенциала. Концепция заключалась в том, что нужно овладеть самой концепцией, и теорией, и знаниями, что нужно проводить исследования. Смешно звучит, но это можно назвать жаждой новых знаний и нового уровня понимания социума. Когда мы говорим об институционализации, то говорим о лидерах, которые важны, но мы довольно редко говорим, что энтузиазм этих лидеров и людей вокруг был двигателем всего. Эмоциональная

вовлеченность была важной, возникло чувство, что эти знания нужны, хотя и не было понятно, кому и зачем. Что еще было в тот момент? Кроме энтузиазма и стремления к новому, чтения заграничной литературы не было никакого систематического образования, но было понимание, что нужно делать новую науку: ведь то, что вокруг нас, требует радикальных изменений. Со старым аппаратом мы далеко не продвинемся. Нужны новые методы, новые методологии, новые системы познания, рефлексии и понимания места само_й исследователь_ницы. У нас возник новый университет, в котором мы продвигали новое знание в области гендерных и феминистских исследований, и наши лидеры-социологи, которые только заканчивали в тот момент Беркли и Кембридж, знали, что гендерные исследования – это важная область, в новом знании им есть место.

В то же время были фонды, которые также в этот момент поддерживали гендерные исследования, были готовы финансово поддерживать. Нас простимулировал фонд Форда. Не то чтобы мы сами не хотели делать программу, но мы только нащупывали пути, не чувствовали себя уверенно. У нас был слишком маленький административный опыт, мы не знали, как делать образовательные программы. Я не уверена, что мы бы сами решились на создание программы. Нам ничего не было навязано, но Фонд подтолкнул к реализации наших собственных интересов.

Условия были благоприятные – и новый университет, и фондовая поддержка. И еще интеллектуальная молодежь, у которой было стремление – «мы хотим понять». Все это закрутилось, сложилось в определенную констелляцию. В 1997 г. мы прочитали пилотный курс, и через год открылся университет, начался регулярный учебный процесс. Мы учредили гендерную программу, которая была и по сегодняшний день находится при факультете политических наук и социологии. Важно то, что в департаменте нам нашлось место, которое существует до настоящего времени.

Нельзя сказать, что все это было так гладко. Институционально все выглядит неплохо, но долгое время наши коллеги не могли привыкнуть, что гендер – это нормальная тематика в академии. Они вроде нам и не мешали и, может, даже где-то продвигали, но для них это был все же какой-то довесок, который к социологии пристегивается. Если ты – энтузиаст, то работай. Однако у меня не было и нет до сих пор уверенности в том, что гендерные исследования воспринимаются как равноценная часть социологии, не маргинальная, даже несмотря на то, что у нас в университете все повторяют, что самый сильный сегмент социологии – так уж сложилось – это гендерная социология. Я думаю, это связано не с тем, что она такая теоретически новаторская (в социологии это не совсем так), а потому, что мы с Еленой Здравомысловой уже 20 лет работаем, мы никуда не ушли, ничего не бросили, провели большое количество исследований, опубликовали много работ, помогли написать магистерские, кандидатские и PhD нашим многочисленным студент_кам. Сейчас уже все привыкли к нашему существованию, но

это не значит, что социология изменилась, а гендерная социология стала мейн-стримной.

Что касается исследовательского интереса наших первых студенто_к, самая первая выпускница – Таня Бараулина, написала первую магистерскую в рамках нашего с Анной Роткирх совместного исследования вопросов сексуальности. Жанна Чернова (в настоящее время доктор наук) писала об образцах маскулинности в СМИ. С того момента, на протяжении следующих 20 лет, каждый год к нам поступали от трех до пяти человек на магистерскую программу с гендерной тематикой. К нам на курсы приходят и те, кто получает социологическое и политологическое образование. Мы читаем курсы по гендерной социологии, феминистской теории, российским гендерным отношениям, качественным методам (это не совсем гендерный курс, но он тесно связан с гендерными исследованиями), гендерной стратификации. Я читаю лекции по социологии здоровья и медицины, в которой отчетливо выражен гендерный аспект. Наши выпускни_цы занимаются самыми разными темами. Мы стараемся, конечно, чтобы они занимались тем, что нам близко, вовлекаем в наши проекты, но не настаиваем, если они хотят делать свои собственные. Они разрабатывают свои темы, а мы осваиваем их вместе с ними. Из последних, например, магистерских работ под моим руководством можно упомянуть исследования баланса гендерных ролей женщин-художниц (Мария Годованная), проблем разведенных отцов (Екатерина Иванова), здоровья в семьях с низким статусом (Дарья Ходоренко), конструирования боли в онкологии (Анастасия Угарова). Есть и феминистские темы у аспиранто_к в настоящее время: Вероника Лапина защитила PhD по квир-номадизму, Даниил Жайворонок пишет о дискурсах секс-работы, Анастасия Новкунская – о медицинских профессионалах в малых городах. Немало интересного исследуют и студент_ки под руководством Елены Здравомысловой.

Но любим мы, конечно, свои темы и свою полевую работу. Сейчас Елена занимается заботой и старением, у нее есть студент_ки и аспирант_ки, которые занимаются заботой о пожилых в разных контекстах, а у меня последние пять лет крен произошел в социологию здоровья и репродуктивное здоровье, и есть несколько человек, которые работают со мной в этих темах.

– А что можно сказать о происходящем консервативном повороте в России? Как это отражается на Вас и на гендерных исследованиях в целом?

– Россия – это отдельная история. Мы (как гендерная программа) в каком-то смысле являемся исключением, к сожалению. Наш опыт такой более-менее нормальный, если не считать, конечно, что в течение года над университетом нависает угроза закрытия. Не без трудностей и проблем у нас выстроилась рамка гендерной социологии. Трудно оценивать себя, но в этом смысле мне кажется, что наше развитие было успешным, если смотреть на него через критерии количества выпускников и публикаций, не говоря уж о конференциях. Вместе с тем

в условиях консервативного поворота, в фокусе которого традиционная семья, гендерные роли и сексуальность, в условиях беспрецедентного давления на университет не поворачивается язык говорить об успехе. Может быть, завтра нас (как программы) уже не будет.

Что касается в целом академической сферы (возможно, я нахожусь в таких он- и офлайн сетях), вижу, что людей, которые гендерную проблематику знают и любят, вокруг очень много. Но эти люди могут рассказать вам печальную историю, как трудно этим заниматься. Есть и те, кто, например, занимается исследованием материнства, репродукции или миграции не исходя из гендерной или феминистской перспективы, но при этом интегрирует гендерный аспект. Существуют не только заинтересованные люди, но и заинтересованные институции. Например, Центр независимых социологических исследований хотя и иностранный агент, но люди все равно так или иначе работают. Там много исследователь_ниц, которые интересуются гендерной тематикой. Они проводят гендерные семинары, гендерные школы. Мы сотрудничаем со многими исследователь_ницами из ВШЭ, Социологического института РАН. И такие примеры не единичны: молодые исследователь_ницы знают гендерную проблематику и у них есть гендерная чувствительность. Кроме того, существует несколько журналов, в которых хорошо представлена гендерная проблематика, в первую очередь социологическая, например «Лабораториум», «Журнал исследований социальной политики». Могу сказать, что молодое поколение, которому сейчас около 30, без лишнего шума эту проблематику осваивает и интегрирует в свои исследования. Хотя, разумеется, существует и большой сегмент в академии, где проводятся конференции с докладами о правильном предназначении женщин. Я не поеду на такую конференцию, я предпочитаю участвовать в мероприятиях, где социологи чувствительны к гендеру и понимают, что это такое. В результате у меня не возникает ощущения изоляции или враждебного отношения к тематике. Молодые люди хорошо понимают, что социологическая компетенция включает представления о гендере и современных дебатах; сейчас уже ясно, какие азы и каноны надо знать. В общем и целом поменялось что-то вокруг, хотя сложно сказать, насколько эти изменения устойчивы.

Влияние же собственно политического контекста очень зависит от темы и области исследований. Людям, которые занимаются ЛГБТ и квир-теорией, часто бывает трудно, хотя мы лично зависим от политического контекста скорее опосредованно. Политический контекст может разрушить наш университет, вместе с университетом разрушит и программу. Есть даже такая история, что Милонов высказался против гендерных исследований, после чего все и закрутилось вокруг университета. Все понимают, что не в гендере здесь дело, но это стало удачным спусковым механизмом.

Однако есть и обратная сторона у этого политического контекста: молодежь стала больше интересоваться, что такое гендер и феминизм. Молодые женщины

устали слушать, что их место на кухне, они этим возмущены. Количество молодых мужчин, желающих академически фундированно подойти к этим вопросам, также возросло. Им понятно, что нельзя возразить Милонову, не имея теоретического обоснования, необходимы аргументы. А для того чтобы выстраивать аргументацию, надо знать гендерную теорию.

Последнее, что у нас происходит хорошее на фоне всего плохого, это то, что в университете в результате большого конкурса появилась гендерная специалистка – Алиса Клоц, получившая степень в Америке. Алиса занималась анализом жизни домашних работниц раннего советского периода. Мы уже продумываем совместные планы на будущее. Кроме того, наша выпускница Екатерина Бороздина, исследовательница акушерской профессии, стала доцентом нашего факультета.

– Что касается Вашего взаимодействия с феминистскими организациями и инициативами, как бы Вы охарактеризовали отношения между академией и активизмом?

– Я бы сказала, что мы с ними работали очень активно в 1990-е гг., точнее, мы работали вместе, но у нас были общие интересы, мы взаимно друг друга просвещали. По крайней мере, с центром Ольги Липовской я дружила, и мне это очень нравилось. Я чувствовала, что у них есть запрос на то, что я могу делать. Потом мы и их исследовали вместе с моей аспиранткой Юлией Брыгалиной. Мы написали в одной статье, как в 1990-е – начале 2000-х ЦППИ и кризисные центры развивались, какая была структура политических возможностей, какая идеология и мобилизация. В настоящее время мы с феминистским движением отчасти пересекаемся и общаемся, его сейчас немного. Оно есть в интернете, немного в академии, немного в искусстве. Есть академические и политические инициативы. Я не могу сказать, что у нас постоянные тесные связи, скорее, время от времени к нам на факультет поступают феминистские активистки, и благодаря им и их исследованиям я многое узнаю, иногда хожу к ним на выставки и разные мероприятия. Там я вижу феминистское сообщество. Не скажу, что оно мне понятно, оно другое, потому что это другое поколение, но мне интересно. Они занимаются постфеминизмами, очень этим интересуются, нас критикуют за известную «кондовость», против чего я даже и не возражаю. Социология вообще кондовая. У меня есть сейчас в гендерном курсе темы по квиру и феминистскому материализму, но я не специалист, и это не мой предмет интереса. Есть группа в фейсбуке по феминистскому письму, я спросила, как они относятся к тому, что я к ним присоединюсь. Они сказали: «Конечно, приходите». Но я туда не хожу, потому что нельзя объять необъятное. Мне это очень интересно, но не хватает времени – хочется учиться, осваивать новейший феминизм, но хочется и проводить полевые исследования. Хотя мне очень важно, чтобы существовал спрос на нашу работу, чтобы были союзники из наших исследовательских полей. Сейчас

у нас это происходит с акушерками и медицинскими сестрами. Мы ходим друг к другу на конференции, сделали совместную брошюру, иногда рассказываем им про феминизм и гендер. Меня очень увлекает то, что происходит в медицинских организациях, как меняются пациенты-клиенты и профессионалы, а также и то, как наши информант_ки критически воспринимают нашу работу, чему они учатся у нас, а мы у них. В работе с сензитивным полем я вижу потенциал феминистской методологии и поле для приложения наших активистских сил.

Наше влияние на активисто_к разного рода (а акушерок, которые что-то хотят изменить в своей профессии, я тоже считаю активистками) скорее не прямое. Мы оказываем друг на друга определенное влияние. Они чему-то могут у нас научиться, например тому, как проводить исследование или как интерпретировать свою социальную ситуацию. Хотя если вернуться к собственно феминистскому активизму, то граница есть. У нас учатся активист_ки, но они все же учатся академическому исследованию. Если бы какая-нибудь исследовательница про нас писала, то, возможно, она бы сказала: «Эта академия очень далека от потребностей феминистского движения». Так происходит часто, я не вижу ничего необычного. Наша задача – проводить исследования и учить других тому, как их проводить с учетом отношений власти, сензитивной проблематики, феминистской теории и методологии и пр. Внедрять их в практику, чтобы улучшить положение непривилегированных групп – важная задача. Но она не наша.

– Гендерные исследования в регионе начинались благодаря усилиям достаточно ограниченного круга, в котором все друг друга знали. Что произошло с этими сетями, которые были между различными центрами и программами в регионе?

– Скорее, академические гендерные сети начали ветвиться, и в этом смысле мы стали несколько отдаляться. Я все-таки занимаюсь не столько междисциплинарными гендерными исследованиями, не столько феминистской теорией, сколько исследованием здоровья, медицины и гендера, хотя и не потеряла интерес к исследованиям гендерных ролей в разных ипостасях, к гендерной политике и пр. Но если я еду с докладом на конференцию Европейской социологической ассоциации, то я, скорее, подам заявку не на гендерную секцию, а на социологию медицины, потому что для полевых исследований мне важна в настоящее время эта область. На небольшие воркшопы я также поеду на социологию медицины, и это не будет обсуждением феминистских тем и гендерных теорий, это будет конкретная предметная проблематика. Конечно, я слежу за тем, что делают Елена Гапова, Сергей Ушакин, Ирина Жеребкина и другие коллеги. Но мы не пересекаемся на одних конференциях, для меня это важный показатель. Мы, конечно, можем не пересекаться по причине отсутствия ресурсов, но это также вопрос академических приоритетов. Сети строятся через научный обмен: кто кого рецензирует, кто кого редактирует и в диссертационных советах

сидит. Мы сидим по своим департаментам, как мне кажется. В то же время я чувствую нехватку дискуссии с коллегами о ситуации с феминизмом в условиях консервативного поворота или о современных трендах феминистской мысли. Мы все об этом думаем, это важно, и только гендерное сообщество может производить такое знание. Я чувствую потребность в большей концептуализации, мне не хватает инструментов, не хватает понимания, и это нужно обсуждать с коллегами. Но все же в гендерном сообществе большой активности нет, гораздо больше действий и дискуссий происходит в отраслевой социологии, поэтому я там и нахожусь.

– Можно ли говорить о том, что благодаря Вашей работе сформировалось несколько поколений, причастных к гендерным исследованиям? Наблюдаете ли Вы такой процесс и как развивается это поле дальше?

– Мы сделали маленькое исследование, чем занимаются наши выпускни_цы. Это было лет шесть назад. Многие наши выпускни_цы остались в науке, и мне кажется, что те люди, которые остались в науке, имеют гендерную сензитивность в исследованиях, даже если не занимаются ими напрямую. Российская социология стала более чувствительна к повседневности, к микровзаимодествиям, к эмоциям, к отношениям, в которые вовлечены женщины и мужчины определенного возраста, цвета кожи и сексуальности, а не просто абстрактные фигуры, которые присутствуют как некоторые объекты. В этом смысле многое в социологии поменялось. Мы и наши коллеги, вероятно, тоже на это повлияли. Мне кажется, окунувшись в гендерные исследования, уже нельзя избавиться от этого знания. В последнее время мы стали интересоваться тем, что феминизм внес в понимание этики и сензитивности поля. Собственно говоря, эти вопросы актуализировались именно под влиянием, с одной стороны, феминизма, с другой стороны, новых антропологических запросов. Мы стали об этом думать и писать, и к этой теме есть сейчас большой интерес. Я понимаю, что феминизм сделал в этом вопросе больше, чем антропология, потому что наша антропология еще не очень чувствительна к феминизму, а российским полевым исследованиям, фундированным на феминизме, есть что предложить.

– Вы уже говорили, что проблемы у ЕУ начались с высказывания Милонова относительно гендерных исследований, похожее я прочла недавно в статье Андреа Пето о ситуации вокруг ЦЕУ¹. Как бы Вы прокомментировали такую тенденцию – использовать гендерные исследования в политических целях?

¹ Подробнее о ситуации вокруг ЦЕУ, позиции А. Пето, а также обсуждение положения ЕУ в более широком контексте можно найти в дискуссии А. Пето и Е. Гаповой в этом номере. – *Прим. ред.*

– У нас была такая история. Примерно год назад к Милонову, как он заявил об этом публично (после этого мы уже не слышали никаких публичных заявлений от людей, у которых есть к нам претензии), обратилась группа граждан с жалобой на то, что в нашем университете заставляют заниматься ЛГБТ-исследованиями, и по этой жалобе граждан он написал заявление в прокуратуру. Далее прокуратура отправила жалобу в Рособрнадзор, который и начал нас проверять. К этому подключились и другие инстанции. Но в процессе проверки ЛГБТ и гендер как претензии пропали вообще, т.е., как я шучу, за ЛГБТ и гендер нельзя закрыть. Теперь про первоначальный повод все забыли, нас начали закрывать за спортзал, за недостатки аттестации и другие моменты. Тем не менее гендерные исследования могут оказаться тем, что вызывает подозрение и может быть «спусковым механизмом». Сложно представить другие отрасли в этом качестве (за исключением политологии): вряд ли бы Рособрнадзор начал проверку на основании того, что в университете преподается (о ужас!) социология эмоций, или социология телесности, или социология преступности. А вот на основании ЛГБТ-исследований можно начать проверку, хотя по закону не запрещено преподавать и исследовать: у нас все взрослые, старше 18 лет, мы никакой закон не нарушаем.

Почему так происходит? Могу только сказать, что ЛГБТ-исследования – это морально проблематизированная зона, поэтому она легко попадает под обстрел. Она проблематизируется в национальных, националистических и патриотических проектах, в которых происходит воссоздание патриархальной традиции. В этих патриотических проектах геи, а заодно и гендерные исследования (что такое квин-исследования, они еще не разобрались) выступают маркером западности, либеральности, а это противоречит традиционалистскому нарративу, препятствует созданию нации так, как ее видят в этих проектах. В этом смысле все понятно. Однако мне не понятно то, как консервативный поворот, особенно попытки регулировать и контролировать семью, сексуальность, репродукцию, сочетается с очень либерализованными, потребительскими, индивидуалистическими и даже в известной степени гендерно эгалитарными практиками в этих сферах в современной России. Можно было бы сказать, что это два разных мира, по аналогии с Советским Союзом: риторика – это одно, а жизнь – это другое. Но это объяснение как минимум недостаточное, а как максимум – неверное.

– По Вашему мнению, есть ли проблема или напряжение в связи с тем, что гендерная теория – это привнесенное знание, или гендер уже стал в полной мере понятным, своим концептом?

– В наших сетях он стал «домашним», в том смысле, в котором вся западная социология уже стала домашней. Гендер в этом смысле от нее не отличается. У нас уже очень много хороших российских исследований в социологии, но инструменты все равно западные. Я даже большой проблемы в этом не вижу. Про-

блема существует до тех пор, пока мы этими инструментами не начали работать, их не освоили. Когда мы начали работать, то где-то подналадили этот инструмент и работаем. Другое дело, что хотя мы и приспособили западные инструменты, но, я думаю, нам не хватает собственных теоретических инсайтов, прорывов не хватает. Теорий, чтобы дух захватывали, не хватает. Острых парадоксальных мыслителей не хватает, а остроумных – особенно. Не хватает тех, кто способен перевести теоретические инсайты, если таковые случаются, на понятный язык и завладеть умами людей. Создать такой объяснительный инструмент, который произведет эффект – так вот же оно! И как мы этого раньше не понимали?! Возможно, нам нужно для этого возвращаться к своим истокам, искать ответы в советском опыте. Ранее у нас была идиосинкразия на него, как и на классиков, сейчас в академическом смысле ее уже нет. Если еще немного отдышаться от советского наследия, можно возвращаться к своим собственным истокам, критиковать их и понимать по-новому.

– Спасибо Вам за разговор.

15 апреля 2017 г.

Санкт-Петербург – Лунд